

УДК 342.7

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАВНОПРАВИЯ В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гамалей Анна Дмитриевна

студентка

Оренбургский институт Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина, г. Оренбург

Аннотация. В статье рассматривается актуальная теоретико-правовая проблема реализации принципа гендерного равноправия, закрепленного в Конституции Российской Федерации. Анализируется глубинное противоречие между формально-юридическим равенством и необходимостью учета объективных биологических и социальных различий между полами. Автор обосновывает недостаточность исключительно формального подхода к толкованию ст. 19 Конституции РФ и предлагает концепцию обоснованной гендерной дифференциации. Данная концепция базируется на строгих критериях: направленности на конституционно значимую цель, соразмерности и временном компенсационном характере мер.

Ключевые слова: гендерное равноправие, Конституция РФ, формальное и фактическое равенство, обоснованная дифференциация, позитивная дискриминация, временные компенсаторные меры.

PROBLEM OF GENDER EQUALITY IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Gamalei Anna D.

student

Orenburg Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Orenburg

Abstract. The article examines the current theoretical and legal problem of implementing the principle of gender equality enshrined in the Constitution of the Russian Federation. It analyzes the profound contradiction between formal legal equality and the need to account for objective biological and social differences between genders. The author substantiates the insufficiency of a purely formal approach to interpreting Article 19 of the Constitution and proposes a concept of justified gender differentiation. This concept is based on strict criteria: alignment with a constitutionally significant goal, proportionality, and a temporary compensatory nature.

Keywords: gender equality, Constitution of the Russian Federation, formal and factual equality, justified differentiation, positive discrimination, temporary compensatory measures.

Принцип равноправия составляет одну из фундаментальных основ конституционного строя Российской Федерации. Согласно ч. 2 и 3 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, а также устанавливает, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [1].

Несмотря на четкую нормативную фиксацию, в юридической науке сохраняется острая дискуссия о содержании принципа равенства. Центральной остается проблема соотношения формального (юридического) и фактического (материального) равенства в сфере гендерных отношений.

Доктринальная проблема, лежащая в основе настоящего исследования, заключается в следующем: существует неустранимое противоречие между формально-юридическим пониманием равенства и необходимостью учитывать объективно существующие биологические и социальные различия между мужчинами и женщинами при осуществлении ими своих прав и свобод. В результате буквальное следование нормам о равноправии не устраняет, а в ряде случаев усиливает неравенство, демонстрируя ограниченность такого подхода.

Формальное равенство выступает гарантией от дискриминации, однако, как справедливо замечает Е.Н. Булычев, оно не решает вопроса о фактическом неравенстве, особенно в гендерной сфере [2]. Таким образом, теоретическая проблема заключается в недостаточности исключительно формального подхода к гендерному равноправию и необходимости выработки такой модели, которая позволяла бы учитывать объективные различия, не нарушая при этом фундаментальный принцип равенства.

В рамках настоящего исследования предлагается создание концепции обоснованной гендерной дифференциации. Важно понимать, принцип равенства не должен трактоваться как требование сделать всё абсолютно одинаковым. Равенство - это, прежде всего, запрет произвольной дискриминации, но при этом закон может и должен вводить обоснованные различия в правовом регулировании, если они вызваны объективными причинами (биология, социальная роль материнства, необходимость защиты семьи).

Такая дифференциация может считаться правомерной, если она:

1. направлена на конституционно значимую цель (охрана материнства и детства, реальное равенство возможностей);
2. является соразмерной и не чрезмерной;
3. носит временный или компенсационный характер

Этот подход полностью подтверждается практикой Конституционного Суда Российской Федерации. В Определении от 23 июня 2015 г. № 1518-О Суд прямо указал, что приоритетное право женщин на материнский (семейный) капитал не нарушает ст. 19 Конституции, поскольку учитывает разные виды социального риска для мужчин и женщин [3].

Однако теоретический интерес представляет Особое мнение судьи Г.А. Гаджиева к данному Определению, не ставя под сомнение саму возможность гендерной дифференциации, судья акцентировал внимание на критериях ее допустимости[4], данная позиция заостряет внимание на том, что конституционный принцип равенства мужчин и женщин требует от законодателя и правоприменителя не формального следования гендерным стереотипам, а содержательного анализа фактического положения конкретных субъектов права. Эта позиция служит дополнительным аргументом в пользу предлагаемого в настоящей статье подхода - концепции обоснованной правовой дифференциации, при которой различия в правовом регулировании допустимы лишь в той мере, в какой они действительно необходимы для компенсации объективно существующего неравенства возможностей.

Для реализации концепции на практике, предлагается законодательно закрепить механизм временных компенсаторных мер (позитивной дискриминации). В российском законодательстве такого чёткого механизма на данный момент нет. Поэтому любые идеи о квотах или преференциях часто отклоняют как «нарушение равенства».

В качестве иллюстрации, демонстрирующей взаимосвязь между сформулированной доктринальной проблемой и предлагаемым решением, рассмотрим ситуацию с гендерным представительством в законодательных (представительных) органах государственной власти Российской Федерации.

По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, а также международных мониторинговых организаций, доля женщин среди депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия остаётся относительно стабильной и не превышает 18 %. Так, в Государственной Думе VIII созыва количество женщин составляет 79 депутатов (18 %), при этом подавляющее большинство мандатов сохраняют мужчины - 360 депутатов (82 %)[5]. При этом женщины составляют более половины населения страны и активно участвуют в выборах в качестве избирателей. Очевидно наличие устойчивого структурного дисбаланса, который не преодолевается естественным путём в рамках формального равенства прав.

Показательным в этом контексте является опыт Республики Казахстан, где на законодательном уровне введена 30-процентная квота для женщин, молодёжи и лиц с инвалидностью в избирательных партийных списках, которая была впервые реализована на выборах депутатов Мажилиса Парламента в 2021 г.[6]. Данный опыт демонстрирует, что

временные специальные меры, закреплённые на законодательном уровне, не рассматриваются как отступление от конституционного принципа равенства, а напротив, признаются необходимым инструментом достижения гендерного баланса в политическом представительстве.

Для ликвидации пробела в законодательстве и формирования правовой базы, предлагается принять Федеральный закон «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Этот законопроект, уже обсуждавшийся в юридическом сообществе, но пока не принятый, будет дополнен статьей, регулирующей временные меры.

Предлагаемая Статья «Временные меры, направленные на обеспечение фактического равенства прав и возможностей мужчин и женщин» определит, что федеральные и региональные законы, а также иные нормативные акты могут устанавливать временные меры для ускоренного достижения реального равенства мужчин и женщин в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Эти меры будут направлены на преодоление устойчивого гендерного дисбаланса, могут предусматривать предоставление преимуществ или установление квот для лиц определенного пола, если это необходимо для компенсации исторически сложившегося неравного положения и не приводит к необоснованному ограничению прав лиц другого пола.

Действие мер прекращается по истечении установленного срока или досрочно при достижении поставленных целей. Продление возможно только в исключительных случаях при наличии мотивированного обоснования, подтверждающего сохранение дисбаланса, и с соблюдением всех установленных условий. Споры, связанные с правомерностью установления и применения таких мер, будут разрешаться в судебном порядке, с учетом конституционного принципа равенства и целей закона.

На основе проведенного анализа, отмечу, что принцип гендерного равноправия, закреплённый в Конституции Российской Федерации, требует более глубокого теоретического осмысления. Формальное (юридическое) равенство, безусловно, составляет необходимую основу конституционного строя, однако без учёта объективно существующих биологических и социальных различий между мужчинами и женщинами оно остаётся преимущественно декларативным. Разработанная концепция обоснованной гендерной дифференциации в сочетании с механизмом временных компенсаторных мер представляет собой научно обоснованный и практически применимый путь решения выявленной теоретико-правовой проблемы. Принятие предлагаемого федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» позволит создать реальный правовой механизм достижения не только формального, но и фактического равенства возможностей.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукьяницы Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав его несовершеннолетних детей Лукьяницы Владимира Александровича и Лукьяницы Николая Александровича положениями статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1518-О // СПС «Гарант».
3. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева (приложение к Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1518-О) // СПС «Гарант».
4. Асафов А. Социально-демографический анализ VIII созыва Госдумы. Часть 1 / А. Асафов // Аналитический портал. - 2025. - 21 октября. - URL: <https://asafov.ru/avtor/socialno-demograficheskij-analiz-viii-sozyva-gosdumy> (дата обращения: 14.04.2026).
5. Булычев Е. Н. Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации // Евразийская адвокатура. - 2016. - № 2 (21). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-ravenstva-i-problemy-ego-zakrepleniya-v-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 14.04.2026).
6. Избирательные гендерные квоты в Казахстане // Научный журнал KOGAM. - 2023. - URL: <https://www.journal-kogam.kisi.kz/index.php/kd/article/view/160> (дата обращения: 14.04.2026).